

Ярычев Насруди Увайсович

доктор педагогических наук,
доктор философских наук,
доктор культурологии, профессор,
член-корреспондент РАО,
проректор по учебной работе

Чеченский государственный
университет им. А. А. Кадырова,
Грозный, Россия

E-mail: Nasrudiny@mail.ru

МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Одним из наиболее ярких трендов последних лет в сфере мемориальных исследований является «тренд расширения», то есть вовлечения в орбиту мемориалистики новых явлений и локусов. Изучение «регионов памяти» (в данном случае речь идет о мемориальной культуре конкретной локации как совокупности географических, исторических, социокультурных и иных факторов) опирается во многом на компаративистскую методологию, то есть процедуры сравнения: синхронного (одномоментно сосуществующие мемориальные культуры) и диахронного (изучение динамики развития одной и той же мемориальной культуры в разные моменты времени).

Ключевая задача статьи — продемонстрировать возможности и ограничения сравнительных исследований в сфере *memory studies*, их методологический потенциал, возможности получения на основе его использования нового теоретического знания, инструментальные стратегии применения данной методологии при проведении эмпирических замеров.

Автором были выделены цели, методологические основания и сценарии компаративных исследований памяти. среди последних: нейтрально-констатирующий (описательно-аналитический характер изучения мемориальных явлений, не находящихся в поле конфронтации и острых противоречий); диспозиционный (рассмотрение мемориальных явлений, иллюстрирующих жесткие противоречия в стратегиях интерпретации событий прошлого представителями различных сообществ); смешанный сценарий (изучение мемориальных явлений, отражающих как солидаризацию различных социальных групп в мемориальной повестке, так и наличие неких столкновений между ними на данной почве).

Ключевые слова: память, культурная память, мемориальные исследования, мемориальная культура, компаративные исследования

Для цитирования: Ярычев, Н. У. Мемориальная культура сквозь призму сравнительных исследований: теоретико-методологический и инструментальный потенциал / Н. У. Ярычев // Вестник культуры и искусств. — 2025. — № 4 (84). — С. 205–212.

Yarychev Nasrudi U.

*Doctor of Pedagogical Sciences,
Doctor of Philosophical sciences,
Doctor of Cultural Studies, Professor,
Corresponding Member
of the Russian Academy of Education,
Vice-Rector for Academic Affairs*

*Chechen A. A. Kadyrov
State University,
Grozny, Russia*

E-mail: Nasrudiny@mail.ru

**Memorial Culture Through the Prism of Comparative Studies:
Theoretical, Methodological and Tool Potential**

One of the brightest trends in the field of memorial studies nowadays is “the trend of widening”, i.e. involvement to memorial studies of new phenomena and loci. Study of “regions of memory” (in this case we speak about memorial culture of the certain location as a set of geographical, historical, social-cultural and other factors) is based mainly on comparative methodology, i.e. comparison procedures of synchronic (simultaneous co-existing memorial cultures) and diachronic (studying of development dynamics of one and the same memorial culture in different time periods).

Key task of the article is to show the possibilities and restrictions of comparative studies in the field of memory studies, to reveal their methodological potential and capabilities of getting on its basis of new theoretical knowledge, tool strategies and implementation of these methods while taking empiric measurements. The author has determined objectives, methodological grounds and memory comparative studies scenarios including neutral-summative (descriptive-analytical character of memorial phenomena outside the field confrontation and acute contradictions); dispositional (considering memorial events illustrating rigid contradictions in interpretation of the past events by the representatives of different communities); mixed scenario (study of memorial events and phenomena reflecting both solidarity of different social groups in memorial agenda and availability of some tension between them on this ground).

Keywords: memory, cultural memory, memorial studies, memorial culture, comparative studies

For citing: Yarychev N. U. 2025. Memorial Culture Through the Prism of Comparative Studies: Theoretical, Methodological and Tool Potential. *Vestnik kul'tury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (84): 205–212. (In Russ.).

В 2023 году в ключевом для мемориалистики журнале «Memory Studies» вышла обобщающая редакторская статья за авторством Дж. К. Олика и его коллег [11]. В ней суммировались ключевые тенденции развития мемориальных исследований за последние годы и намечались контуры возможных трендов в данной сфере. По мысли Дж. К. Олика, современные исследования памяти актуализировали четвертую мемориальную волну (имеется ввиду, что предыдущие три были выделены и опи-

саны А. Эрл [7]), для которой характерны дисциплинарные (методологические), культурные (тематические) и географические расширения. Под последними понимается, во-первых, включение в орбиту мемориалистики территориального фактора как определяющего содержание мемориальной культуры, а, во-вторых — преодоление западоцентричности в исследованиях памяти, перефокусировка исследовательского внимания с почти досконально изученных вариантов национальной памяти (прежде всего,

европейских) на менее изученные, локальные национально-мемориальные локусы.

Такое географическое расширение позволяет «доказать необходимость переосмысления существующих общих концепций памяти на местном уровне, чтобы учесть изменения, происходящие за пределами обычных аналитических условий» [11]. Иными словами, изучение новых мемориальных регионов способно уточнить или даже отменить устоявшиеся, рабочие концепции памяти — такие, например, как концепции Я. Ассмана, Д. Лоуэнталя, П. Нора и др.

Основная мысль Дж. К. Олика сводится к тому, что сегодня наступило время пересмотра «авторитарных мемориальных теорий», которые работали на европейском материале, но, вполне вероятно, окажутся недееспособными применительно к иным мемориальным культурам. Именно поэтому, начиная с 2023 года, и в журнале «Memory Studies», и в других значимых изданиях, специализирующихся на мемориальной тематике, все более весомые позиции занимают исследования «географии памяти». Тематика и методология подобных исследований чрезвычайно разнообразна — от изучения национальных травматических воспоминаний до «выхватывания» отдельных проблемных участков коллективной памяти (например, освещение СМИ какого-либо памятного события), от количественных социологических замеров до использования компаративных инструментов.

Компаративные, то есть сравнительные, исследования памяти представляют собой отдельное и чрезвычайно значимое направление memory studies. С одной стороны, специфика одной национальной мемориальной культуры раскрывается ярче и контрастнее в сравнении с другой, особенно, если речь идет о географически, культурно, исторически, ментально близких или даже родственных моделях (например, как в случае с Боснией и Герцеговиной или Бразилией и Аргентиной).

С другой стороны, проблема мемориальной компаративистики заключается в выборе ее методологических оснований. Возникают закономерные вопросы:

- можно ли сравнивать пусть и в чем-то схожие, но, тем не менее, уникальные

мемориальные культуры, формировавшиеся в особых социокультурных обстоятельствах?

- насколько эта «близость» является реальным основанием для сравнения или носит иллюзорный характер?
- каковы допустимые содержательные погрешности такой сопоставительной процедуры?

В рамках данной статьи мы постараемся ответить на обозначенные вопросы или, во всяком случае, наметить пути поиска ответов на них.

Сама возможность сравнения мемориальных культур (систем коллективных воспоминаний) некоторыми исследователями ставится под сомнение [12]. Основной тезис подобного рода скептической позиции заключается в следующем: каждая мемориальная культура, то есть система взглядов на прошлое, имеет жесткую национальную, этническую, культурную детерминированность, поэтому обладает компаративной резистентностью.

На наш взгляд, данный тезис, являясь в справедливом в своей констатирующей части, не отменяет самой возможности сравнительных процедур в отношении различных мемориальных культур. По мысли Дж. Фоскарини, автора целого ряда компаративных исследований, связанных с изучением идентичности различных по происхождению еврейских сообществ, «сравнение помогает нам соотнести социальные явления, которые обычно не связываются друг с другом по разным причинам, сместить фокус с одной точки зрения на несколько» [8, с. 81].

В защиту возможности и легальности компаративного подхода к изучению мемориальных явлений говорит также и тот факт, что подобный подход чрезвычайно широко и успешно применяется в когнитивных исследованиях национальных особенностей памяти. Ученые ([9; 13; 14] и др.) давно закрепили за собой это поле научных интересов. Так, например, П. Р. Милар и его коллеги в работе «Межкультурные различия в специфике памяти» пришли к выводу о том, что «внимание и память различаются в разных социокультурных средах: независимые западные культуры предпочитают

анализ признаков, основанный на объектах, а взаимозависимые восточные культуры — целостный анализ, основанный на контексте... Недавние исследования выявили существенные различия в восприятии окружающего мира людьми из разных культур. В частности, было показано, что предпочтение аналитической или целостной обработки информации различается в разных культурах» [9, с. 140].

Ученые пришли к выводу о том, что между индивидуальными мнемоническими особенностями представителей конкретной общности и мемориальной культурой этой же общности существует неразрывная связь: «То, как представители разных культур воспринимают и запоминают конкретные детали, может иметь значение для освещения международных новостей, интерпретации показаний очевидцев и даже ведения бизнеса. Наше исследование способствует пониманию сложных механизмов переплетения культуры и памяти, отражающих и формирующих восприятие событий» [9, с. 156].

Отличие работ, направленных на сравнительное изучение памяти как когнитивной функции, и работ, сопоставляющих национальные варианты коллективной памяти, заключается, главным образом, в заявляемых целях и используемой методологии.

Цели последних могут формулироваться по-разному в зависимости от персональных установок исследователя и актуальных контекстных запросов и могут в обобщенном виде сводиться к следующим вариантам:

- 1) геополитическому: определение точек соприкосновения в сфере мемориальных представлений соседей по региону, чьи отношения нуждаются в нормализации;
- 2) генетическому: определение степени влияния одних и тех же исторических событий, социокультурного контекста на формирование различных мемориальных культур;
- 3) прагматическому: выработка консолидированной стратегии коммеморативных практик, необходимой для обеспечение центростремительного движения представителей разных мемориальных культур;

4) культурно-политическому: формирование эмпирической основы понимания функционирования мемориальных явлений в различных локусах с целью выработки наиболее эффективных направлений культурной политики (такая цель, как правило, «работает» применительно к мемориальным агентствам внутри единой социальной общности — региона, государства, этнической группы и пр.);

5) мемориальному: обеспечение более глубокого понимания содержания конкретной мемориальной культуры за счет ее сопоставления с другими мемориальными культурами.

Методология и связанные с ней инструменты сравнительных исследований мемориальных явлений будут тем более эффективными, чем точнее они будут соответствовать следующим критериям.

1. Понятийная операционализация.

Довольно часто сравнению подвергаются явления, не имеющие общего терминологического знаменателя. Например, сравнивается коллективная память одной общности и травматичные воспоминания — другой; или места памяти, трактуемые как конкретные мемориалы, и места памяти, понимаемые как любые значимые для сообщества «носители воспоминаний» [4].

По словам Дж. Фоскарини, важным представляется не только выработка четких терминологических границ сопоставительных исследований, но и согласование более общих, системных понятий [8, с. 85]. Например, если (как в случае ее исследования) речь идет о коллективных воспоминаниях еврейских сообществ, различных по месту проживания, то таким системным понятием по отношению к категории «коллективные воспоминания» будет понятие «этническая идентичность». Иными словами, сравнению следует подвергать только явления, равные по своему феноменологическому статусу.

2. Критериальная унификация.

Одним из важнейших условий объективного и верифицируемого сравнения является применение унифицированных компаративных

категорий.

Наш опыт изучения мемориальной культуры Чеченской Республики в сравнении с мемориальными культурами других северокавказских республик демонстрирует возможность применения следующих оснований сравнения:

- общие стратегии восприятия прошлого;
- наиболее значимые исторические события, повлиявшие на восприятие картины минувшего и настоящего («узлы памяти»);
- исторические пассионарии (личности, чья деятельность сохраняет свое значение в актуальный момент времени);
- «места памяти» (ценностно окрашенные мемориальные топосы);
- персонифицированные формы мемориального поведения (личные практики взаимодействия с прошлым);
- коллективные формы мемориального поведения (соучастие в коллективных коммеморативных актах).

3. Типологическое приведение (соотнесение анализируемых мемориальных культур с определенным типом или типами).

Различные ученые вырабатывали разные подходы к типологизации мемориальной культуры. Например, Ф. Артог, не используя понятие «мемориальная культура», оперировал термином «режим историчности», выделяя три базовых режима: старый (ориентированный на актуализацию прошлого как золотого века и источника опыта), новый (ориентированный на будущее и связанные с ним ценности — прогресса, развития и пр.), христианский (ориентированный на сакральное время — вечность) [2].

М. Бернхард и Я. Кубик в качестве критерия типологизации предлагали признак доминирования того или иного типа мемориальных акторов. Например, гегемония мнемонических воинов позволяет говорить об унифицированном режиме памяти; конфликтное существование разных типов акторов — о раздробленном режиме; сосуществование плюралистов, уклонистов и проспекторов — о столпообразном режиме [6].

Ученые выделяли типы мемориальной культуры на основе изучения 17 «посткоммунистических» стран (государства, входившие в

состав СССР, и страны так называемого «соцлагеря»).

На аналогичном эмпирическом материале (страны постсоветского пространства) выстроили свое исследование мемориальной культуры Д. Н. Нечаев и О. В. Леонова. Украина, Грузия, Прибалтийские республики, Молдова, Киргизия, Армения, Узбекистан были отнесены ими к категории государств с мифологизированной мемориальной культурой (эстетический тип), в которой именно политические и исторические мифы «определяют процесс оформления этнической и гражданско-государственной идентичности этих стран» [3, с. 15]. Кроме этого, для данного типа мемориальной культуры характерны избирательный подход к интерпретации исторических фактов, интеграция политической мифологии в научное и повседневно-коммуникативное пространства и ориентация на краткосрочный эффект воздействия.

Другой тип мемориальной культуры (миметический, или гибридный), в большей степени характерный для России, Белоруссии, Казахстана и Азербайджана, отличается стремлением к долгосрочной перспективе воздействия, «более спокойной интерпретацией событий прошлого, включая острые периоды XX и XIX вв.» [3, с. 15], а также стремлением (правда, нередко декларативным) к поиску истины в процессе интерпретации прошлого.

На наш взгляд, очень важно подчеркнуть, что разговор о различных типах мемориальной культуры имеет смысл лишь:

- во-первых, на основе изучения всего многообразия форм мемориальной деятельности, формирующих ее целостность;
- во-вторых, на основе сравнения различных историко-культурных условий их существования, поскольку выделение абстрактных типов мемориальной культуры в отрыве от реального историко-культурного контекста их бытования представляется затруднительным и неэффективным.

Среди критериев типологизации, которые можно использовать при эмпирическом изучении различных социокультурных вариантов мемориальной культуры, могут выступить:

- доминирующий актор (акторы) мемориальной культуры;
- доминирующий тип (типы) репрезентуемой памяти (политической, культурной, коммуникативной);
- наличие/отсутствие консенсуса в интерпретации содержания и форм реализации мемориальной культуры между различными акторами, типами памяти;
- темпоральная, контентная и ритуальная устойчивость мемориальной культуры;
- доминирующий вектор (векторы) мемориальной деятельности;
- степень проницаемости (ценностной, обрядовой и пр.) различных уровней мемориальной культуры;
- характер директивности реализации мемориальной деятельности, жесткость регламентации ее наполнения;
- функциональная доминанта мемориальной культуры.

Мы полагаем, что указанные критерии не являются исчерпывающими, а представляют возможные ориентиры для дальнейших типологических изысканий.

4. Сценарное определение.

Как показывает опыт изучения современных *memory studies*, существует довольно много вариантов сценариев сравнительных исследований мемориальных явлений, каждый из которых имеет собственную цель, методологию и стратегию анализа. Наиболее очевидным критерием выделения такого рода сценариев является содержательно-тематический и эмоционально-оценочный критерии, исходя из которых можно выделить:

1) нейтрально-констатирующий сценарий (описательно-аналитический характер изучения мемориальных явлений, не находящихся в поле конфронтации и острых противоречий): в качестве примера можно привести исследование культуры памяти жителей промышленных городов Челябинской области М. Л. Шуб [5];

2) диспозиционный сценарий (рассмотрение мемориальных явлений, иллюстрирующих жесткие противоречия в стратегиях интерпретации событий прошлого представителями различных сообществ): одним из вариантов такого сценария может стать исследование

В. А. Авксентьева и его коллег, связанное с изучением культурной памяти северокавказских сообществ [1];

3) смешанный сценарий (изучение мемориальных явлений, отражающих как солидаризацию различных социальных групп в мемориальной повестке, так и наличие неких столкновений между ними на данной почве). В рамках данного сценария за основу сравнения берется, как правило, масштабное мемориальное явление (мемориальная культура, культура памяти, политика памяти и пр.), рассматриваемое сквозь призму различных масштабных социальных групп и различных содержательно-смысловых позиций: информационно-коммуникативной (анализ СМИ, социальных сетей и пр.), адресно-персонифицированной (диагностика мнений), документационно-событийной (изучение тематических документов и коммеморативных практик) и др. В качестве иллюстрации подобного сценария можно назвать исследование уже упоминавшихся Д. Н. Нечаева и О. В. Леоновой (сравнение политики памяти, исторической памяти, политической мифологии бывших советских республик и России) [3] и работу Е. Монтано, ориентированную на осмысление стратегий мемориальной политики в разных государствах Латинской Америки [10].

В обобщающе-аналитической статье, появившейся под редакторством Дж. Оллика в журнале «*Memory Studies*» в 2023 году, с обращения к которой мы начали статью, говорилось также о том, что расширение мемориальных агентов (территорий, сообществ, локаций, явлений) неизбежно актуализирует компаративный подход к их изучению. При всей своей эвристичности и целесообразности, он, тем не менее, обладает и рядом существенных ограничений, о которых мы говорили выше. Однако, стоит согласиться с позицией Д. Вагнера, который видел за сравнительными исследованиями будущее не только собственно мемориалистики, но и когнитивных исследований памяти. Такой оптимистичный взгляд он связывал с особой, уникальной миссией компаративных исследований памяти, в основе которой лежит «генерирование новых эмпирических методов и консолидирующих те-

орий, которые позволяют выйти за рамки чисто описательных мемориальных стратегий и по-

нять глубинные причины групповых различий в работе памяти» [13, с. 421].

Список литературы

1. Авксентьев, В. А. Культурная память северокавказских сообществ в условиях рискогенности этнополитической ситуации / В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко, С. Ю. Иванова, М. М. Шульга // Журнал Фронтирных Исследований. — 2022. — № 3. — С. 219–238.
2. Артог, Ф. Порядок времени, режимы историчности / Ф. Артог // Неприкосновенный запас. — 2008. — № 3 (59). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html> (дата обращения 15.09.2025).
3. Нечаев, Д. Н. Мемориальная культура и политическая мифология: политика памяти в сфере государственного управления России и государств постсоветского пространства / Д. Н. Нечаев, О. В. Леонова // Вестник Поволжского института управления. — 2021. — Т. 2, № 1. — С. 12–21.
4. Нора, П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. — 2005. — № 2–3 (40–41). — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (дата обращения: 14.09.2025).
5. Шуб, М. Л. Культура памяти в структуре идентичности жителей индустриальных городов : монография / М. Л. Шуб. — Челябинск : ЧГИК, 2021. — 283 с.
6. Bernhard, M. Twenty years after communism: The politics of Memory and commemoration / M. Bernhard, J. Kubik. — Oxford : Oxford University Press, 2014. — 326 p.
7. Erll, A. Travelling memory / A. Erll // Parallax. — 2011. — Vol. 17, № 4. — P. 4–18.
8. Foscari, G. Collective memory and cultural identity: A comparative study of the politics of memory and identity among Israelis of Polish and Tunisian descent / G. Foscari // Ethnologies. — 2017. — Vol. 8, № 2. — P. 81–98.
9. Millar, P. R. Cross-cultural differences in memory specificity / P. R. Millar, S. J. Serbun, A. Vadalía, A. H. Gutchess // Culture Brain. — 2013. — № 1 (2-4). — P. 138–157.
10. Montaña, E. A. A new agenda for a consolidated field of studies: New and old themes of memory studies in Latin America / E. A. Montaña, J. S. Granada-Cardona // Memory Studies — 2023. — Vol. 16, № 6. — P. 1436–1451.
11. Ollik, J. K. Introduction: Taking stock of memory studies / J. K. Jeffrey, A. Sierp, J. Wüstenberg // Memory studies. — 2023. — № 1. — P. 1399–1406.
12. Velicu, A. Cultural memory between the national and the transnational / A. Velicu // Journal of Aesthetics & Culture. — 2011. — Vol. 3. — P. 1–4.
13. Wagner, D. A. Problems and Prospects in Comparative Studies of Memory / D. A. Wagner, S. G. Paris // Human Development. — 1981. — № 1. — P. 412–424.
14. Yang, L. Culture, and Memory for socially Meaningful Item-Context Association: An East-West Cross-Cultural Comparison Study / L. Yang, J. Spaniol, L. Hasher // Plos ONE. — 2013. — Vol. 8, № 4. — URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0207515> (дата обращения: 17.09.2025)

Получено 18.09.2025

Reference

1. Avksent'ev V. A., Gricenko G. D., Ivanova S. Yu., Shul'ga M. M. 2022. Cultural memory of North Caucasian communities in the context of the risk-prone ethno-political situation. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy [Journal of Frontier Studies]*. No 3: 219–238. (In Russ.).
2. Artog F. 2008. The order of time, modes of historicity. *Neprikosnovennyj zapas [The Untouchable Reserve]*. No 3 (59). Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html> (accessed: 15.09.2025). (In Russ.).

3. Nechaev D. N. 2021. Memorial Culture and Political Mythology: The Politics of Memory in the Sphere of Public Administration in Russia and the Post-Soviet States. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya [Bulletin of the Volga Institute of Management]*. Vol. 21. No 1: 12–21. (In Russ.)
4. Nora P. 2005. World Commemoration. *Neprikosnovennyj zapas [Untouchable reserve]*. No 2–3 (40–41). Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22-pr.html> (accessed: 11.09.2025). (In Russ.).
5. Shub M. L. 2021. Kul'tura pamyati v strukture identichnosti zhitelej industrial'nyh gorodov [The Culture of Memory in the Identity Structure of Industrial City Residents]. Chelyabinsk: ChGIK. 283 p. (In Russ.).
6. Bernhard M., Kubik J. 2014. Twenty years after communism: The politics of Memory and commemoration. Oxford: Oxford University Press. 326 p.
7. Erll A. 2011. Travelling memory. *Parallax*. Vol. 17, No 4: 4–18.
8. Foscarini G. 2017. Collective memory and cultural identity: A comparative study of the politics of memory and identity among Israelis of Polish and Tunisian descent. *Ethnologies*. Vol. 8, No 2: 81–98.
9. Millar P. R., Serbun S. J., Vadalía A, Gutchess A. H. 2013. Cross-cultural differences in memory specificity. *Culture Brain*. No 1 (2–4): 138–157.
10. Montaña E. A., Granada-Cardona J. S. 2023. A new agenda for a consolidated field of studies: New and old themes of memory studies in Latin America. *Memory Studies*. Vol. 16, No 6: 1436–1451.
11. Ollik J. K., Sierp A., Wüstenberg J. 2023. Introduction: Taking stock of memory studies. *Memory studies*. No 1: 1399–1406.
12. Velicu A. 2011. Cultural memory between the national and the transnational. *Journal of Aesthetics & Culture*. Vol. 3: 1–4.
13. Wagner D. A., Paris S. G. 1981. Problems and Prospects in Comparative Studies of Memory. *Human Development*. No 1: 412–424.
14. Yang L., Spaniol J., Hasher L. 2013. Culture, and Memory for socially Meaningful Item-Context Association: An East-West Cross-Cultural Comparison Study. *Plos ONE*. Vol. 8, No 4. Available from: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0207515> (accessed: 17.09.2025).

Received 18.09.2025